

Николай Алефиренко

Фразеологическая герменевтика христианского миропонимания : на материале восточнославянских ЯЗЫКОВ

Studia Rossica Posnaniensia 29, 147-154

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА
ХРИСТИАНСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

PHRASEOLOGICAL HERMENEUTICS
OF THE CHRISTIAN OUTLOOK IN EASTERN SLAVONIC LANGUAGES

НИКОЛАЙ АЛЕФИРЕНКО

ABSTRACT. In the article phraseological units of the biblical origin in the Eastern Slavonic languages are examined from the point of view of the interpretation potential of the phraseological semantics. The relations of the religious and linguistic consciousness are observed in the article as well. The typological system of the phraseological units (their classes, groups and subgroups) is made according to the phrase formation and motivation of the phraseological meanings by the text of the Bible.

Николай Алефиренко, Волгоградский государственный педагогический университет, Кафедра русского и сравнительно-исторического языкознания, пр. Ленина 27, Волгоград – 400013 Россия.

Более чем тысячелетняя история христианской религии на восточно-славянских землях обусловила концептуальную сущность духовной культуры древнерусского, а затем белорусского, русского и украинского народов, сформировала идиоматические стереотипы их этнокультурной эволюции по нескольким причинам: в силу системности христианского миропонимания, в связи с гносеологической активностью языка в целом и, в частности, герменевтической сущностью¹ фразеологической репрезентации внешнего и внутреннего мира человека (греч. *hermeneuo* – ‘разъясняю, толкую, перевожу’). Всеобъемлющий характер воздействия христианской картины мира на становление устойчивых образно-языковых структур объясняется прежде всего основной идеей христианского вероучения – познать с м ы с л ж и з н и. „Идея [...] христианства, – писал В. Соловьев, – не какое-либо отвлеченное умозрение, а содержит в себе ц е л ы й с м ы с л человеческой и всемирной жизни”². В этом следует, на наш взгляд, усматривать главный экстралингвистический фактор идиоматизации тех языковых структур, которые в обобщен-

---

¹ В. С о л о в ь е в, *Жизненный смысл христианства*, „Филологические науки” 1991, № 3, с. 9.

² Там же, с. 52.

но-образной форме позволяли отразить христианство в трех взаимосвязанных ипостасях: а) как исторический факт, б) как высшую истину и в) как цель духовной жизни, состоящую „в доведении человечества до лучшего и чистейшего богопочитания, до образцовой, добродетельнейшей жизни”³. Эти три важнейшие компоненты религиозного сознания, основными формами воплощения которого являются верования, представления, образы, идеи, настроения и чувства. Последние же служат главными психосемантическими факторами порождения фразеологических единиц (ФЕ) на почве христианской религии и культуры (сочинений, обрядов, традиций и предметов культа). Ср., например, в Библии устойчивое выражение, обозначающее обещанную Богом землю для детей израилевых, выводимых из египетского плена, землю богатую и просторную, „где течет молоко и мед”, и омонимичную ФЕ *земля обетованная* 1) ‘место, куда кто-либо страстно мечтает попасть’, 2) ‘предмет страстных желаний, устремлений, надежд’, 3) ‘место, где царит довольство, изобилие, счастье’. Все три ЛСВ этой ФЕ сформировались в процессе герменевтического переосмысления одного из ярких фрагментов главного христианского сочинения – Священного Писания.

Значительная часть восточнославянских ФЕ содержит в своем компонентном составе названия предметов религиозного культа или культового обряда. Например: рус. *курить (воскурять, жечь) фимиам кому*; укр. *кадити (курити, палити) фіміам кому, перед ким* – „льство перевозить, восхвалять кого-либо” (*фимиам* – ‘благовонное вещество для курения, главным образом при религиозных обрядах, или *ладан*’); рус. *дышат на ладан*; укр. *дихати на ладан* – ‘находиться в предсмертном состоянии’ (умирающий исповедуется перед священником, свершающим окурение фимиамом, или ладаном). Такие ФЕ могут значительно удаляться от значений своих первоисточников, утрачивая при этом часть смысловых элементов религиозного сознания. В таком случае религиозное сознание сближается с обыденным, житейским сознанием со всеми его жизненно важными образами и ценностями. И связано это, по нашему убеждению, не с дехристианизацией, а глубоким герменевтическим освоением религиозной картины мира обыденно-языковым сознанием. Ведь религиозное сознание, как и любое другое идеальное образование, становится „действительным практическим сознанием” лишь в результате материализации соответствующими реальными формами, способными его выражать, хранить и передавать от человека к человеку, от поколения к поколению. „Формой выражения религиозного сознания служит символ”⁴. В христианском сознании религиозный символ выполняет роль некоторого посредника между миром земным и сверхъестественным, идеальным, возвышенным. Эта роль конкретизируется

³ A. Markunas, T. Uczitiel, *Leksykon chrześcijaństwa rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Poznań 1999, с. 252.

⁴ Д.М. Угринович, *Введение в религиоведение*, Москва 1985, с. 56.

тремя основными функциями религиозного символа: а) мировоззренческой, заключающейся в познании смысла жизни; б) эмоционально-психологической, поскольку символ стимулирует возбуждение эмоций человека и его религиозные переживания; в) коммуникативной: религиозный символ – средство объединения людей, по символу определяют их принадлежность к той или иной конфессии.

Для формирования речемыслительных стереотипов в религиозном и соответствующих им фразеологических стереотипов в языковом сознании народа основополагающую роль играет не столько метафорическое мышление, сколько характер символической образности. „Символическая образность [...] гораздо богаче всякой метафоры; и богаче она именно тем, что вовсе не имеет самодовлеющего значения, а свидетельствует еще о чем-то другом, субстанционально не имеющем ничего общего с теми непосредственными образами, которые входят в состав метафоры”⁵. В этом смысле символ принадлежит к средствам живописной языковой образности, насыщенной различными импликациональными связями между соответствующими предметами, их признаками и свойствами. Именно живописная образность религиозно-мифического символа, сеть его ассоциативных связей с различными вещами и предметами мысли, а также его предельная обобщенность служат теми смыслопорождающими „генами”, которые обеспечивают необходимые условия для возникновения фразеологических оборотов (а) на базе библейских сюжетов или (б) переосмысления устойчивых словосочетаний, уже сформировавшихся в тексте Священного Писания. Религиозный символ всемогущества, силы и надежности Бога – т в е р д ы н я (камень, скала) – в силу смысловой насыщенности импликациональных связей послужил механизмом порождения весьма употребительных в современных восточнославянских языках ФЕ и метафорических словосочетаний. Изначальным смыслогенерирующим источником явился текст Библии, в котором говорится о предсмертной песне, сочиненной Моисеем для потомков, детей Израилевых, чтобы была она им постоянным напоминанием о Боге. Моисей называет Бога двумя именами – Ягве (Яхве) и Твердыня: „Имя Господа (Ягве) прославлю; воздайте славу Богу нашему. Он т в е р д ы н я...” (Второзак. 32: 3–4, 15, 18, 31). В Новом Завете Иисусу дано имя „Камень”: „он *камень преткновения*” (Римл. 9: 33–34), „*камень живой*”, „*камень краеугольный, избранный драгоценный*” (1 Петр. 2: 4–8). Используемый здесь символический образ камня дал жизнь емким по смысловому содержанию и экспрессивно-образным метафорам: *живой камень, твердыня мира* и др. Что же касается ФЕ, то они, будучи заимствованы восточнославянскими языками из церковнославянского, подверглись семантической деривации, сохранив при этом, однако, тот смысловой инвариант, который был заложен символической образностью библейского сюжета. Так, ФЕ *камень спатыканья // камень преткновения // каминь спотикання* в бе-

⁵ А.Ф. Лосев, *Знак. Символ. Миф*, Москва 1982, с. 439.

лорусском, русском и украинском языках употребляется в значении „помеха, препятствие, источник трудностей в чем-л.“. Смысловый инвариант семантической структуры этой ФЕ – „преграда для преодоления” – восходит к библейскому толкованию фразеологического прототипа. Согласно Библии, так назывался камень, положенный Богом в Сионе, о который „претыкаются” неверующие или те, которые не покоряются строгим законам христианского вероучения.

Как убеждает анализ, ФЕ библейского происхождения связаны со своими свободно-генетическими прототипами неоднозначно: их фразеомообразующей базой выступают а) устойчивые словосочетания из текстов Библии и Евангелия, выражающие нефразеологические значения; б) свободные сочетания слов; в) отдельные слова, обладающие образно-символическим значением; г) фрагменты из текста Священного Писания.

Однако в любом случае ведущую роль в формировании библейских ФЕ играет специфика религиозного символа – его обобщенно-смысловая глубина и разветвленные ассоциативные связи символической образности.

Отмеченные свойства религиозно-символической образности обеспечивают предельно широкий диапазон фразеомообразовательных моделей: с одной стороны, на базе лишь библейских образов и сюжетов без участия конкретного лексико-грамматического сочетания слов; а с другой стороны, путем вторичной фразеологизации устойчивых сочетаний, заимствованных из церковнославянского языка (рус. *земля обетованная*). Между этими крайними способами формирования библейских ФЕ имеется ряд промежуточных фразеомообразований.

По структурно-генетическим признакам фразеологические церковнославянизмы восточнославянских языков можно упорядочить по т р е м р а з р я д а м: а) фразеологические церковнославянизмы, сохранившие в современных языках не только семантико-структурную модель своих прототипов, но и ее лексико-грамматическую наполняемость; б) ФЕ, не имеющие прототипов, возникшие в результате ассоциативно-образной конденсации содержания библейско-евангельских сочинений и в) ФЕ, в основе возникновения которых лежат элементы славянской письменности и христианской культуры. ФЕ первого разряда появились в результате образного переосмысления плана содержания самого религиозного символа (ср.: в Библии – *золотой телец* ‘необычайно дорогостоящий элемент основания трона Яхве’ и фразеологическое значение омонимичной ФЕ русского языка ‘деньги; власть денег, золота’). По мере дальнейшего герменевтического освоения языковым сознанием библейских сюжетов такие ФЕ могли подвергаться вторичной фраземодеривации, приводившей к их структурно-семантическим преобразованиям, моделирующим иные денотативные ситуации (ср.: рус. *поклоняться золотому [златому] тельцу* – ‘испытывать власть денег; делать обогащение единственной целью и смыслом жизни’). ФЕ второго разряда – продукт билатеральной фра-

земодеривации, когда образно-языковая герменевтика в процессе интерпретирующего моделирования библейского сюжета порождает и план выражения, и план содержания фразеологизма (ср. библейский дискурс о всемирном потопе и ФЕ рус. *ноев ковчег* – „что-либо чрезмерно перегружено – людьми, животными”). Однако высшая степень герменевтического абстрагирования присуща ФЕ, образным стержнем которых служат элементы христианской культуры и письменности: рус. *с азов* – ‘с самого начала’, *ни аза в глаза* – ‘ничего не смыслить’, *прописать ижицу кому* – ‘поучать, жестоко наказать кого-либо’, *на ять* – ‘очень хорошо, великолепно’ и др. Чаше всего фразеомообразующей активностью обладают начальные, последние и некоторые средние буквы алфавита, поскольку азбука, созданная Кириллом и Мефодием для христианизации южных и восточных славян, представляет собой модель макро- и микрокосма, где сакральными точками являются ее начало, середина и конец (Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин, Л.Б. Карпенко).

Кроме образно-символического стимулирования, фразеологизация словосочетаний уже в текстах христианских сочинений могла начаться и под влиянием структурно-образных фразеосхем тавтологического характера. Их своеобразие – в конденсации и интенсификации религиозного смысла. Так, в Библии слово *плоть* обозначает ‘мирского человека’. „Рожденное *от плоти* есть *плоть*”, – сказал Иисус Христос одному из своих учеников, Никодиму (Иоан. 3: 6). Следовательно, *плоть от плоти* – это сам невозрожденный (родившийся только один раз) человек. В процессе дальнейшей идиоматизации это выражение приобрело близкое к изначальному значение ‘родной ребенок (о кровном родстве)’. Значение кровного родства закрепилось и под влиянием другой библейской притчи о сотворении женщины. Вынув у спящего Адама ребро, Бог создал Еву. Проснувшись и увидев Еву, Адам произнес: „Вот это *кость от костей* моих и *плоть от плоти* моей”. Такое равнозначное употребление тавтологических сочетаний предопределило в восточнославянских языках их синонимические отношения. Однако в каждом из этих языков их синонимия имеет свою специфику. В русском языке рассматриваемый синонимический ряд состоит из трех ФЕ: *кость от кости (костей)* – *плоть от плоти* – *кровь от крови кого, чьей*; в белорусском он, как правило, двучленный, включает первые две ФЕ (*кость ад косці* – *плоць ад пласці*), а в украинском употребляется только ФЕ *плоть від (од) плоти*, хотя и возможно в качестве фразеологических калек с русского употребление ФЕ *кістка від кості і кров від крові*. Дальнейшая семантическая эволюция этого синонимического ряда происходила в направлении расширения номинативного поля – от кровного родства к родству духовному. Сформировалось в итоге второе значение синонимичных ФЕ.

Итак, ФЕ первого разряда можно подразделить на две подгруппы: 1) библейские фразеологические заимствования, сохранившие в современных восточнославянских языках изначальные лексические компоненты, грамматическую форму и смысловую структуру: *ищите и обрящите*; блр. *альфа і амега*

чаго – рус. *альфа и омега чего* – укр. *альфа і омега чого*; блр. *врата ада* – рус. *врата ада* – укр. *ворота ада*; блр. *хлеб насущный* – рус. *хлеб насущный* – укр. *хліб насущний*; блр. *плоть ад плоти чьей, кого* – рус. *плоть от плоти чьей, кого* – укр. *плоть від плоти чьей, кого*; рус. *суета сует* – укр. *суета сует*. Некоторые из данных ФЕ приобрели фонетический облик, соответствующей тому или иному восточнославянскому языку (ср.: *омега // амега, хлеб // хліб, ад // от // від, плоть // плоть*). Однако смыслообразующей базой этих ФЕ остается то образно-символическое содержание, которое изначально передавалось библейским прототипом, а затем, освободившись от первичноденотативной зависимости, превратилось в десакрализованное фразеологическое значение; 2) ФЕ, возникшие на базе сочетаний нефразеологического характера: а) в прямом и б) в переносно-символическом значении. Все ФЕ первой подгруппы подвергались в дальнейшем лишь семантической эволюции, ФЕ второй подгруппы – структурно-семантическому формированию.

Второй разряд ФЕ библейского происхождения составляют обороты, возникшие в ткани восточнославянского дискурса путем ассоциативно-образной конденсации отдельных фрагментов ранних христианских сочинений или соответствующей религиозной притчи в целом. Образцом возникновения ФЕ на основе фрагментарных повествований может служить становление ФЕ рус. *нести свой крест*; укр. *нести свій хрест* – ‘терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу’. Анализируемая ФЕ в своем происхождении лишь мотивирована отдельными эпизодами библейско-евангельских сказаний и своим лексико-грамматическим составом с текстом этих сочинений не связана.

Характерной особенностью ФЕ второго разряда является отсутствие во фразеомобразующем тексте свободносинтаксического генотипа. В таком случае фразеомобразующим стержнем выступает, как правило, основной субъект повествования. Его наименование в сочетании с метафорическим эпитетом и составляет деривационную базу ФЕ. Причем если наименование субъекта содержится в тексте Библии, то художественно-образный эпитет – результат герменевтического осмысления библейского события и его интерпретация в религиозном, а затем и в обыденном сознании народа. Таким способом образованы многие ФЕ, мотивированные библейскими текстами, но возникшие уже на восточнославянской языковой почве. Среди них весьма употребительным являются ФЕ блр. *пець лазара* – рус. *петь лазаря* – укр. *співати лазаря*; рус. *Фома неверный (неверующий)* – укр. *Хома невірний (невіруючий)*; рус. *блудный сын* – укр. *блудний син*. Фразеологические значения таких оборотов сформировались всецело на основе тех аналитических образов, которые созданы соответствующими библейскими сказаниями. Они объединяются в первую подгруппу анализируемого разряда ФЕ.

Вторую подгруппу составляют ФЕ, в компонентный состав которых входят слова соответствующего описательного оборота. Ср., например, ФЕ

рус. *питаться акридами и диким медом*; укр. *живитися (харчуватися) акридами (і диким медом)* – ‘недоедать, не имея достаточно пищи; скудно питаться, жить впроголодь’ и евангельскую притчу об Иоанне Крестителе, жившем в пустыне и *питавшимся акридами (акриды – греч. ‘род саранчи’) и диким медом* (Марк, 1, 6). Как видим, описательный оборот, употребляемый в прямом значении, послужил базой для ФЕ, значение которых приобрело обобщенно-образный характер. Этому способствовала, в частности, синонимическая замена глагольного компонента (*есть – питаться*). Ср.: „Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед”.

Второй способ образования ФЕ этой подгруппы – усечение описательного оборота с последующим его переосмыслением. Так появилась, например, ФЕ блр. *ні на ету*; рус. *ни на йоту*; укр. *ні на йоту* – ‘нисколько, ничуть, ни на самую малость’. В Евангелии от Матфея Иисус так говорит о важности Священного Писания: „Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, *ни одна йота или ни одна черта* не прейдет из закона, пока не исполнится все” (Матф., 5: 17–18). Выделенный оборот в тексте Писания имеет субъективное значение, которое в процессе фразеологизации преобразовалось в обстоятельство-количественное.

Третья подгруппа рассматриваемых оборотов объединяет ФЕ, образовавшиеся на базе своих свободносинтаксических генотипов, т. е. словосочетаний, имеющих в текстах Священного Писания. Ср. 1) рус. *бить себя в грудь*; укр. *бити себе в груди* – ‘каяться, уверять в искренности и честности’ и отрывок из Библии: „И весь народ, сшедший на сие зрелище, видя происходившее, возвращаяся, *биа себя в грудь*” (Лук., 23: 48); 2) рус. *пить (испить) горькую чашу (чашу горя, чашу горечи) до дна*; укр. *пити (випити, куштувати, скуштувати) гірку чашу (гіркої); випити гірку до краю – высок*. ‘много страдать, терпеть; переносить до конца испытания, трудности, лишения’. Ср. фразу из 1-го Послания коринфянам апостола Павла: „Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть *ест от хлеба сего и пьет из чаши сей*” (Павел, 11: 28–32). Особенностью образования таких ФЕ является то, что их фразеомобразующей базой послужили словосочетания, употребленные в библейско-евангельских текстах в прямом значении.

Четвертую подгруппу составляют ФЕ, возникшие в процессе фразеологизации использованных в Библии *метафорических словосочетаний и фразеологических оборотов*. Наиболее яркими примерами этому могут служить такие ФЕ, как рус. *волк в овечьей шкуре* – укр. *вовк в овечій шкурі*; рус. *пуп земли* – укр. *пуп землі*; рус. *соль земли* – укр. *сіть землі*; *гроб поваленный* (только в рус. яз.); рус. *поднимать знамя* – укр. *піднімати знамено (стяг, прапор)*; рус. *хромать на обе ноги* – укр. *кульгати на обидві ноги*. Так, ФЕ *волк в овечьей шкуре* в библейском тексте соотносится с омонимичным метафорическим словосочетанием – своим прототипом. „Берегись

лжепророков, которые приходят к вам *в овечьей одежде*, а внутри *волки хищные*” (Матф., 7: 15). Речь здесь идет о том, что лжепророки только притворяются покорными овечками, скрывая тем самым свою агрессивность. Эта мысль, выраженная в образной метафоре, сконденсирована в современном значении ФЕ – ‘человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели; лицемер’.

Выделенные разряды и подгруппы ФЕ различаются характером фразеологического образования и степенью мотивированности их значений содержанием деривационной базы. Объединяет же эти разряды ФЕ многовековая глубина заложенного в них культурологического смысла, названного В. фон Гумбольдтом „духом народа”, того смысла, который, будучи генетически связанным с христианским миропониманием, отражает социальную реальность нашего времени. Иными словами, рассмотренные нами ФЕ являются герменевтическим продуктом „второго творения духа” (Г. Вернер) посредством метафоризации уже существующих слов и выражений. „Человек, – писал Макс Мюллер, – независимо от его желания был вынужден говорить метафорически, и вовсе не потому, что не мог обуздать своей поэтической фантазии, а скорее потому, что должен был напрячь ее до крайней степени, чтобы найти выражение для все возрастающих потребностей своего духа [...] древняя метафора гораздо чаще была следствием необходимости и в большинстве случаев обязана своим происхождением не столько переносу слова с одного понятия на другое, сколько более точному определению понятия, соответствующего старому имени”⁶. Поэтому смыслопорождающие механизмы, формирующие новые фразеологические значения в „старом имени”, заложены главным образом в конденсации и интенсификации сакральных этнодеймов того христианского мировидения, которое лежит в основе фразеологического потенциала религиозного символа, обозначающего единство земного и вечного.

---

⁶ М. М ю л л е р, *Наука о мысли*, пер. В.В. Чуйко, Санкт-Петербург 1981, с. 474.